

Смена вех

В 1909 году, после того как утихла первая российская революция, в Петербурге вышел сборник статей "Вехи". Известные философы предупреждали российскую интеллигенцию: пора перестать выступать вместе с народом против государства. В 1921 году другая группа авторов выступила с осмыслением следующей революции. Они обращались к интеллигенции с иными идеями. И сборник свой назвали "Смена вех".

Николай Васильевич Устрялов (1890–1938) и Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) – самые известные сменовеховцы. Многие разделяли их взгляды; только в 1921–1923 годах в Россию вернулось более 120 тысяч эмигрантов. Однако руководство советской республики относилось к сменовеховцам с подозрением, а "белая" эмиграция – ещё более враждебно (до убийств включительно).

За что, судя по данным текстам, сменовеховцев не любили и большевики, и враги большевиков?

Н.В. Устрялов. *Patriotica*

1921

<...> Революция гибнет, бросая завет поколениям. А принципы ее с самого момента ее смерти начинают *эволюционно* воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее оживляющего яда.

Склоняясь к смерти и бледнея,
Ты в полноту времен вошла.
Как безнадежная лилея,
Ты, умирая, расцвела...

«Запрос» русской революции к истории («клячу-историю загоним!») – идея социализма и коммунизма. Ее вызов Сатурну – опыт коммунистического интернационала через пролетарское государство.

Отсюда – ее «вихревой» облик, ее «экстремизм», типичный для всякой *великой* революции. Но отсюда же и неизбежность ее «неудачи» в сфере нынешнего дня. Как ни мощен революционный порыв, уничтожить в корне ткани всего общественного строя, всего человечества современности он не в состоянии. Напротив, по необходимости «переплавляются» ткани самой революции. Выступает на сцену благодетельный компромисс.

В этом отношении бесконечно поучительны последние выступления вождя русской революции, великого утописта и одновременно великого оппортуниста Ленина.

Он не строит иллюзий. *Немедленный коммунизм не удался* – это ему ясно, и он не скрывает этого. «Запоздала» всемирная революция, а в одной лишь стране, вне остальных, коммунизм невыносим. «Социальный опыт» только смог углубить уже подорванное войною государственное хозяйство России. Дальнейшее продолжение этого опыта в русском масштабе не принесло бы с собой ничего, кроме подтверждения его безнадежности при настоящих условиях, а также неминуемой гибели самих экспериментаторов.

Наладить хозяйство «в государственном плане», превратить страну в единую фабрику с центральным аппаратом производства и распределения оказалось невозможным. Экономическое положение убийственно и все ухудшается; истощены остатки старых запасов. Раньше можно было не без основания ссылаться на генеральские фронты, теперь их, слава Богу, уже нет. Что же касается кивков на внутренних «шептунов», то сам Ленин принужден был признать сомнительность подобных отговорок. Дело не в шептунах: их «обнагление» – не причина разрухи, а ее следствие. *Дело в самой системе*, доктринерской и утопичной при данных условиях. Не нужно быть непременно врагом Советской власти, чтобы это понять и констатировать. *Только в изживании, преодолении коммунизма – залог хозяйственного возрождения государства.*

И вот, повинувшись голосу жизни, Советская власть, по-видимому, решается на радикальный тактический поворот в направлении отказа от правоверных коммунистических позиций. Во имя самосохранения, во имя воссоздания «плацдарма мировой революции» она принимает целый ряд мер к раскрепощению задавленных химерой производительных сил страны.

Если коммунизм есть «запрос» к будущему, то «скоропадчина» или «врангелевщина» *во всех ее формах и видах* есть не более как отрывка прошлого. По тому же неумолимому року Сатурна не место ей в новой России.

Революция выдвинула новые политические элементы и новые «хозяйствующие» пласты. Их не пройдешь. Великий октябрьский сдвиг до дна всколыхнул океан национальной жизни, учинил пересмотр всех ее сил, произвел их учет и отбор. Никакая реакция уже не сможет этот отбор

аннулировать. Здоровая, плодотворная реакция вершит революцию духа, но не реставрацию прогнивших и низвергнутых государственных стропил. Дурная же реакция есть всегда не более как попытка с негодными средствами. Прежний поместный класс отошел в вечность, «рабочие и крестьяне» выдвинулись на государственную авансцену...

«Мир с мировой буржуазией», «концессии иностранным капиталистам», «отказ от позиций «немедленного» коммунизма внутри страны» – вот нынешние лозунги Ленина. Невольно напрашивается лапидарное обозначение этих лозунгов: мы имеем в них *экономический Брест большевизма*.

Ленин, конечно, остается самим собою, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собою, он вместе с тем, несомненно, «эволюционирует», т. е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, враждебная большевизму. *Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом*. Жертвует, со своей точки зрения, лишь на время, лишь «тактически», – но факт остается фактом.

Нетрудно найти общую принципиальную основу новой тактики Ленина. Лучше всего это основа им формулирована в речи, напечатанной «Петроградской Правдой» от 25 ноября прошлого года.

Вождь большевизма принужден признать, что мировая революция обманула возлагавшиеся на нее надежды. «Быстрого и простого решения вопроса о мировой революции не получилось». Однако из этого еще не следует, что дело окончательно проиграно. «Если предсказания о мировой революции не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской республики, даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире». Нужно устоять, пока мировая революция не присплет действительно. «Из империалистической войны, – продолжает Ленин, – буржуазные государства вышли буржуазными, они успели кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но в основе они подорвали себе положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил Советскую республику. Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с империалистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые сношения с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлекаться и отрицать возможность военного вмешательства капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо. Но мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано».

В этих словах следует видеть ключ решительного поворота московского диктатора на новые тактические позиции. Раньше исходным пунктом его политики являлась уверенность в непосредственной близости мировой социальной революции. Теперь ему уже приходится исходить из иной политической обстановки. Естественно, что меняются и методы политики.

Раньше он непрестанно твердил, что «мировой империализм и шествие социальной революции рядом удержаться не могут», он надеялся, что социальная революция опрокинет «мировой империализм». Теперь он уже считает как бы очередной своей задачей добиться упрочения совместного существования этих двух сил: нужно спасти очаг грядущей (может быть, еще не скоро!) революции от напора империализма.

Отсюда и новая тактика. Россия должна приспособливаться к мировому капитализму, ибо она не смогла его победить. На нее уже нельзя смотреть как только на «опытное поле», как только на факел, долженствующий поджечь мир. Факел почти догорел, а мир не загорелся. Нужно озаботиться добычей новых горючих веществ. Нужно сделать Россию сильной, иначе погаснет единственный очаг мировой революции.

Но методами коммунистического хозяйства в атмосфере капиталистического мира сильной Россию не сделаешь. И вот «пролетарская власть», сознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма, остерегаясь органического взрыва всей своей экономической системы изнутри, идет на уступки, вступает в компромисс с жизнью. Сохраняя старые цели, внешне не отступая от «лозунгов социалистической революции», *твердо удерживая за собою политическую диктатуру*, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры – «буржуазной» природы...

С.С. Чахотин. В Каноссу¹

1921 г.

Итак, военные попытки «свалить большевиков» не удалось: заключительным аккордом в этом направлении был Кронштадт. Теперь совершенно ясно, что всякие подобные попытки обречены на неудачу; более того, они вырождаются в уродливые, морально неприемлемые для русской интеллигенции погромно-предательские авантюры. Теперь логически мыслимыми остались лишь два случая насильственного низвержения Советской власти: иностранная военная экспедиция и внутреннее восстание. Попробуем разобрать обе возможности.

Мыслима ли первая – военная экспедиция иностранцев? И чья именно? Бывших союзников? Но разве не показали они всей своей политикой, что их главная забота – приспособиться к факту отсутствия России в сонме великих держав? Англия, потрясаемая внутренней борьбой и связавшая себе договором с Советской властью², при каждом удобном случае напоминает о своем лояльном отношении к договору. Франция, усердно поддерживающая врагов России и ведущая политику расчленения России, думает лишь о том, как бы вернуть следуемые ее мещанам миллиарды³. Америка не желает более иметь никакого дела с европейским осиным гнездом. Германия, экономически остро заинтересованная в русских делах, при некоторых условиях могла бы, пожалуй, вмешаться. Но ей, раздавленной военно и экономически, не до военных походов в Россию; да и «союзники» никогда бы не допустили этого: ведь за такой помощью последовал бы опасный для них союз России с Германией. Лига Наций – притча во языцех всего мира? Или, наконец, эти новые «буферные» государства, облепившие края нашей родины? – Польша, Латвия, Эстония, Азербайджан и т. д. Да, к сожалению, они склонны порой давать приют разным «предприимчивым» людям, как это сделала Польша в отношении Савинкова и Балаховича⁴, поскольку последние помогают поддерживать в России междоусобную войну и расшатывают Россию политически и экономически. Но захотят ли они создавать серьезную опасность для Советской власти, пока она слаба, и вообще, выгодно ли им содействовать ликвидации нашей гражданской смуты? Разве в момент успехов Деникина поляки не заключили внезапного перемирия с большевиками, чем и дали последним возможность всей массой обрушиться на Деникина и раздавить его? Это только мы сами, русские, в лице Врангеля, могли в момент, когда Красная армия громила поляков, ударить ей в тыл и, спасая Польшу, предать свое собственное русское дело. История уже отомстила Врангелю за его близорукость.

Итак, ни одна из внешних сил никогда не даст уже «военной помощи против большевиков». Да и кому ее давать теперь? Как-никак, но в течение всей прежней военной борьбы с большевиками были какие-то, хоть и небольшие, клочки русской территории, откуда эта борьба могла идти, где она могла организоваться, – было известное количество сил и средств, которое можно было увеличивать при успехе. А главное, был какой-то моральный резерв, связанный с этим клочком национальной территории. Теперь этого нет. После опыта Врангеля в Галлиполи⁵ мы знаем, что создавать или хотя бы сохранять русские военные антибольшевистские силы за пределами самой России – химера.

Никто, значит, извне не поможет, да и помогать-то, оказывается, уже некому.

¹ Каносса – замок в Северной Италии, где в 1077 году произошла встреча римского папы Григория VII с отлученным от церкви и низложенным германским императором Генрихом IV. Добиваясь приёма папой, Генрих три дня в одежде кающегося грешника простоял у стен Каноссы. "Идти в Каноссу" значит согласиться на унижительную капитуляцию.

² Торговое соглашение между РСФСР и Великобританией было подписано 16 марта 1921 г.

³ Национализация большевиками акционерных предприятий (часть акций которых находилась за рубежом) и отказ от признания государственного долга Российской империи затронули не только крупных капиталистов, но и рядовых граждан, покупавших российские ценные бумаги, особенно французов.

⁴ Савинков Б.В. (1879–1925) – один из руководителей боевой организации эсеров, противник советской власти. Наиболее известен как руководитель террористической работы на территории Советской России. Булак-Балахович С.Н. (1883–1940) – штаб-ротмистр царской армии, в 1919–1920 со своим отрядом воевавший против советских России и Белоруссии при поддержке Польши.

⁵ В Галлиполи (Турция) расположились лагерем остатки врангелевских войск после изгнания их Красной армией из Крыма. По мере истощения средств на их содержание армию пришлось распустить, её бойцы превратились в обычных эмигрантов.

Теперь о возможности восстаний в самой России. Эта возможность, конечно, не исключена. Она наиболее реальна в случае выдвигания лозунгов, подобных кронштадтским⁶, хотя надо оговориться, что шансы на успех здесь, как особенно ясно показал даже пример кронштадтского восстания, ограничены и, очевидно, прогрессивно уменьшаются. Восстания в России могут являться лишь функцией двух связанных между собою моментов: экономических затруднений и политики Советского правительства. Чем хуже экономическое положение страны, чем сильнее лишения, которым подвергается население, тем труднее, конечно, положение правительства. Но, во-первых, с прекращением гражданской войны, со снятием блокады и заключением торговых договоров с Англией, Германией, Италией и др. экономическое положение Советской России способно значительно улучшиться, а во-вторых, Советское правительство, применяясь к условиям, отказалось от целого ряда своих экономически не осуществимых тезисов и идет в сторону облегчения торгово-хозяйственного оборота в стране. Нет никакого сомнения, что эти меры значительно укрепят его положение и сделают попытки восстаний менее частыми, менее серьезными и лишат их шансов на успех.

Спрашивается, как вести себя интеллигенции, как находящейся в России, так и эмигрировавшей, при этих новых, все еще возможных попытках восстаний? Способствовать им или отстраняться от них, более того, бороться с ними? Не колеблясь, подобно тому, как по отношению к предыдущему периоду мы считали, что вся энергия русской интеллигенции должна быть брошена в дело борьбы с большевизмом, так теперь, после окончательного крушения планов его насильственного низвержения, мы считаем, что *патриотический долг нашей интеллигенции – отказаться от вооруженной борьбы, более того, бороться со всякими попытками в целях борьбы еще дальше дезорганизовывать и разваливать нашу родину*. Кто бы ни был у власти сейчас, но раз он способствует процессу собирания и упрочения России, он должен получить поддержку со стороны мыслящей и патриотически настроенной интеллигенции.

Более того, участие в возможных восстаниях и волнениях в стране при сложившейся экономической и международной конъюнктуре будет преступлением перед родиной. Мы не боимся открыто и громко это сказать. Никакие сомнения и колебания, никакие недоговоренности не должны иметь в этот момент места. Надо ясно себе представить, что всякая попытка вызвать неурядицы в России эквивалентна сейчас удару по должествующей во что бы то ни стало наладиться экономической жизни страны и на руку одним только врагам России. <...>

Но представим себе даже, что, по какому-то невероятному сцеплению обстоятельств, восстание удалось, большевики свергнуты и Россию не разобрали в этот момент по кускам соседи и бывшие друзья. Что ждет нас на следующий день после восстания? Чья власть? Кто сменит большевиков? Кто будет тот, кто сумеет при еще несомненно ухудшившихся экономических условиях, при вновь развалившейся армии вывести страну из нового хаоса? Керенский? Кадеты, энесы, эсеры? Начнем сказку про белого бычка сначала? Все эти обломки ех-партий, которые и по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собою на потеху всего мира? Нет, мы думаем, что громадное большинство не только русских народных масс, но и интеллигенции, и не только в самой России, но и за границей, навсегда оставило эти влачащие ныне жалкое существование штабы без армий. Нет, все что угодно, но только не эти трупы!

Но допустим все же, что большевики свергнуты, что явилась какая-то новая власть. Эта новая власть силою вещей вынуждена будет делать почти то же, что и большевики: тоже нужна будет армия со строгой дисциплиной – иначе нас разорвут соседи; те же драконы внутренней защиты новой власти – иначе она рассыплется, как Керенский; неужели нам станет легче оттого, что новые «чрезвычайки»⁷ будут называться «контрразведкой» или чем-нибудь вроде того? Та же будет экономическая разруха и связанные с нею лишения и голод, та же необходимость в максимальном напряжении сил всех и каждого, в жестокой трудовой повинности. Так в чем же дело? Пора оставить мечты, что с заменой красных белыми, желтыми, зелеными и т. д. каким-то чудом законы физики и экономики перевернутся, реки потекут в горы, а с неба будет литься золотой дождь. Вернемся к реальностям жизни.

<...> Будь мы одни, не будь Россия окружена «друзьями» и врагами, конкурентами и хищниками, алчно пощелкивающими зубами и жадно ждущими ее последнего вздоха, будь в мире солидарность культурных наций – мы, быть может, не звали бы к такому решению вопроса. Но сейчас, когда никто не хочет понять переживаемой нами трагедии, когда всякий старается забыть

⁶ Главный лозунг Кронштадтского восстания (февраль–март 1921): "За Советы без коммунистов!".

⁷ *Чрезвычайка* – чрезвычайная комиссия (ВЧК и её местные подразделения).

о море русской крови, пролитой ради общего европейского дела, когда нас сторонятся, как зачумленных, когда почти во всем мире нет более презираемых, более ненавидимых париев, чем мы, русские, сейчас, когда на нашу несчастную родину смотрят, как на какой-то очаг заразы, который, если бы могли, то охотно стерли бы с лица земли со всеми нами, правыми и виноватыми, – о, сейчас, в таких условиях, мы громко, не колеблясь, обращаемся к нашей интеллигенции с кличем: «Довольно! Назад! Мы здесь чужие. Что бы там, дома, ни было, как там ни тяжело, но там – наша родина!» <...>

После каждой болезни в организме наблюдается появление новых сил, усиленный обмен веществ, оздоровление и укрепление. Нередко в самой болезни есть зачатки оздоровления, есть полезные начала. И вот, не боясь, надо признать, что в самом большевизме, наряду с ворохом уродливых его проявлений, есть несомненно здоровые начала, есть положительные стороны, отрицать которые трудно.

Во-первых, история заставила русскую «коммунистическую» республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собиранья распавшейся было России, а вместе с тем восстановление и увеличение русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о «большевиках», а... о России, о новом ее появлении на мировой арене.

Другой положительной стороной Советской власти надо признать то, что (опять как будто вопреки теории) она была вынуждена создать крепкую дисциплинированную армию, первое условие существования всякого государства, как это ни обидно говорить после неисчислимых жертв «великой войны за уничтожение войн».

Третьим несомненным плюсом в деятельности большевиков надо считать то, что они действительно гарантировали невозможность возврата к прошлому, тому темному скорбному прошлому, которое послужило первоисточником нужды, темноты и озлобленности народных масс, неподготовленности и вялости нашей интеллигенции, всего того зла, которое обрушилось на Россию за последние годы. Эта опасность, хоть и дорогой ценой, но все же, к счастью, устранена навеки. И есть возможность заложить новое здание русской государственности на новых разумных основаниях, используя принципы рациональной организации, а не громоздить на старых, архаических нелепых устоях новые негармонирующие надстройки. <...>

Итак, мы идем в Каноссу, т. е. признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны.

Спрашивается, должна ли русская интеллигенция раскаиваться теперь в своих прежних действиях? Нет, кажется нам, не должна, так как – по всему – она не могла поступить иначе, чем поступила.

Да и в этом есть положительные черты.

Мы долго и упорно боролись, но зато эта борьба коренным образом изменила нас, она научила любить родину более деятельно, более жертвенно, чем раньше, она отучила нас от глумления над проявлениями здорового национализма, вылечила нас от наивного сентиментализма в политике.

Практически борьба научила нас более деловым приемам, сократила нашу способность к непродуктивной болтовне, сделала более восприимчивыми к более разумным, более экономным принципам рациональной организации.

Затем, в борьбе сгорело все старое, нецелесообразное в России, и открылось поле для нового, свежего, разумного. Наконец, надо признать, что если сама Советская власть стала способна эволюционировать в сторону более реальной национальной политики – то это есть тоже в значительной мере результат борьбы последних лет.

Конечно, все эти плюсы куплены не дешевой ценой, ценой разрушений, бесчисленных жертв, отставания в ходе культуры. Но, увы, ничто в жизни, как индивидуума, так и народа, без жертв не дается. За все приходится платить.